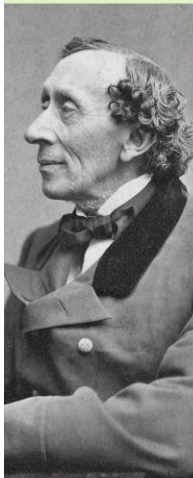

Андерсен

Ганс Христиан

Петъка – Счастливец

Аннотация

Повесть написана в 1870 году. Жизнь самого автора явно отразилась в его сочинениях, герои которых почти всегда — из бедных слоев, но благородные сердцем, талантливые и страдающие от презрения сильных мира сего («Импровизатор», «Петька-счастливец»). Сын сапожника и прачки, поэт из народа, испробовавший на себе все тернии классового общества, Андерсен никогда не упускает случая подчеркнуть свою симпатию к угнетенным. Но он не возвысился до понимания социальных проблем своего времени. Его идеология христиански филантропична, мировоззрение проникнуто наивным морализмом. Добрые чувства, сила нравственного совершенствования человека — для писателя залог лучшей жизни. При этом нельзя не почувствовать прелесть удивительного сочетания романтики и реализма, фантазии и юмора, веры в торжество идеалов добра и красоты в его книгах.

Перу Андерсена принадлежат и такие произведения: «Теневые картины», «Базар поэта», «По Швеции».

Ганс Христиан Андерсен

Петька-Счастливец

Глава I

На одной из самых аристократических улиц города стоял роскошный старинный дом. Известка, прежде чем оштукатурить ею стены дома, была смешана с битым стеклом, вот стены теперь и блестели, словно их посыпали алмазами. То-то богатый вид! Да богачи и жили в этом доме. Поговаривали, что коммерсант, владелец его, мог выставить в своей парадной зале хоть две бочки золота. А уж поставить перед дверями комнаты, где родился его маленький сынок, бочонок с золотом вместо копилки, ему и подавно было нипочем. Да, в богатом доме родился наследник, и весь дом, от подвала до чердака, был полон радости. На чердаке-то, впрочем, радовались больше всего: там, часа два спустя, у ключника и его жены тоже появился малютка. Послал его на свет Господь Бог, принес в дом аист, а добрым людям представила мамаша. Здесь тоже перед дверью стоял бочонок, только не с золотом, а с сором.

Богатый коммерсант был человек благомыслящий, честный; жена его, изящная нарядная барыня, была набожна и добра к бедным;

поэтому все радовались их счастьем и поздравляли их с сыном, которому теперь оставалось только расти, умнеть да богатеть, как папаша. Малютку назвали при крещении Феликсом; это латинское имя и значит оно «счастливый». Что ж, он и впрямь был счастлив, а родители его и еще того больше.

Крючник был славный малый, жена его честная, работающая женщина, и все, кто только знал их, любили их. А уж как они радовались на своего новорожденного малютку — Петьку!

Обоим мальчикам — и жильцу бельэтажа, и обитателю чердака выпало на долю одинаковое число материнских поцелуев; одинаково же любовно целовало обоих и Божье солнышко. Зато положение их в свете было неодинаково: один сидел пониже, другой повыше. Выше-то сидел Петька — под самую крышей. Петьку кормила грудью сама мать, а Феликса чужая, впрочем, очень честная и добрая женщина, как значилось в ее аттестате. Наследника богача катала в роскошной колясочке разряженная мамка, а Петьку носила на руках его собственная мать, не разбирая, в каком была платье — в будничном или в праздничном, и Петьке было ничуть не хуже.

Скоро оба мальчика начали немножко понимать, подросли, выучились показывать ручонками, какие они большие, а потом стали и лепетать. Оба были премилые мальчуганы, оба

лакомки и оба избалованы. Когда они стали побольше, обоим доставлял большую радость экипаж коммерсанта. Феликсу и его няне разрешалось садиться рядом с кучером на козлы и смотреть на лошадок, — мальчик при этом воображал, что сам правит ими, — Петьке разрешалось садиться на подоконник и смотреть вниз во двор, когда господа собирались выехать. Когда они скрывались за воротами, он слезал с окна, ставил рядом два стула, запрягал их и отправлялся в путь сам. Вот он так в самом деле был кучером, а это получше, чем — только воображать себя им! Словом, обоим мальчуганам жилось отлично, но и тому, и другому пошел уже третий год, прежде чем им удалось в первый раз заговорить друг с другом. Феликса одевали нарядно, в шелк и бархат, в коротенькие панталончики до колен, на английский манер. «У бедняжки, верно, зябнут коленки!» — говорили чердачные обитатели. Петька носил панталоны до самых ступней, но вот как-то они лопнули как раз на коленках, и Петькиным ногам стало так же прохладно, как ножкам разряженного барчука.

Однажды Феликс со своей мамашей собирался выйти за ворота и в самых воротах столкнулся с Петькой и его матерью. «Дай Пете ручку! — сказала сынку барыня. — Ничего, можешь поговорить с ним!» И один сказал:

«Петя!», другой: «Феликс!» Да, больше на этот раз они не сказали ничего.

Жена коммерсанта баловала своего сынка, а Петьку еще больше баловала его бабушка. Она была уже слаба глазами, но видела в Петьке много такого, чего не видели ни отец, ни мать, ни кто-либо из посторонних. «Голубчик мой пробьет себе дорожку в свете! — говаривала бабушка. — Он ведь родился с золотым яблочком в руке! Я-то разглядела, даром что слаба глазами! Оно и теперь еще блестит тут!» И она целовала пухленькую ладонь внука. Родители ничего такого не видели, сам Петька тоже, но, подрастая, он все охотнее верил этому. «Полно тебе! — говорили ему отец с матерью. — Ведь это бабушка все сказки тебе рассказывает!» Она таки и мастерица была рассказывать! И Петьке никогда не надоедало слушать все одно и то же. Бабушка выучила его также псалмам и молитве «Отче наш». Он заучил ее не как попугай, а со смыслом; бабушка растолковала ему каждое прошение. Особенно заставляли его задумываться слова «хлеб наш насущный даждь нам днесь!» По бабушкиному толкованию для одного «хлеб насущный» означало непременно мягкий, белый хлеб, для другого же — простой черный; одному нужен целый дом с помещениями для служащих, другой живет себе — не тужит и в маленькой каморке на чердаке. Так-то!

Всякий понимает «насущенный хлеб» по-своему!

Петька в хлебе насущном недостатка не знал; жилось ему припеваючи; только не все же быть красным денькам! Пришел тяжелый год войны; потянули сначала молодежь, а там вызвали из запаса и людей постарше. Ушел на войну и Петькин отец, да одним из первых и пал в борьбе с сильнейшим врагом. То-то горя, то-то слез было в чердачной каморке под крышей! Плакала и мать, плакали и бабушка с Петькой, плакали и все соседи, приходившие погоревать со вдовой и вспомнить покойника. Хозяева разрешили вдове остаться в ее жилище первый год даром, а потом за самую ничтожную плату. Бабушка осталась жить с невесткой, которая занялась стиркой на «одиноких шикарных господ», как она выражалась. Петьке и теперь ни в чем не пришлось нуждаться; ел и пил он вволю, а бабушка продолжала угощать его такими удивительными сказками и историями, что он в один прекрасный день сам предложил ей отправиться с ним по белу свету, чтобы потом вернуться домой уже принцем и принцессой в золотых коронах. «Ну, я для этого больно стара! — сказала она. — А тебе надо сначала много-много учиться, вырасти, сделаться большим и крепким и все-таки остаться таким же добрым и милым ребенком, как теперь!»

Петька гарцевал по комнате на палочке с

лошадиной головкой; таких лошадок у него была целая пара, но сынку хозяина подарили настоящую живую лошадку, такую маленькую, что ее можно было принять за жеребенка. Петька так и звал ее жеребенком, но она уж вырасти не могла. Феликс катался на ней по двору, а иногда выезжал в сопровождении отца и королевского берейтора и на улицу. Увидав в первый раз эту лошадку, Петька с полчаса и глядеть не хотел на своих: они ведь были не живые. Потом он спросил мать, почему у него нет настоящей лошадки, как у Феликса. Мать ответила: «Феликс живет внизу, возле самой конюшни, а ты высоко под крышей. Нельзя таскать лошадей на чердак! Здесь можно держать только таких, как твои! Ну, и катайся на них!» Петька и принялся кататься — от сундука к печке, от печки к сундуку. Сундук был «большой горой с сокровищами» — там ведь хранились праздничные наряды Петьки и его матери и серебряные монетки, которые мать копила на уплату за квартиру; печка же была «большим черным медведем». Летом он спал, а зимою должен был приносить пользу — согревать комнату и варить обед.

У Петьки был крестный, который навещал их зимой каждое воскресенье. Дела его шли все под гору, говорили о нем мать и бабушка. Сначала он служил в кучерах, но начал выпивать и засыпать на своем посту, а этого не полагается ни часовому, ни

кучеру. Потом он сделался извозчиком, возил в карете или на дрожках даже самых шикарных господ, но в конце концов стал мусорщиком и разъезжал от ворот к воротам, помахивая своею трещоткой: «Тр-тр-тр!» Из домов выходили женщины и девушки с мусорными бочонками и вываливали мусор к нему в телегу. То-то было трескотни, шума, сора и всякой дряни!

Раз Петька сошел вниз во двор; мать его ушла куда-то по делу. Он остановился в воротах и увидел на улице крестного. «Хочешь прокатиться?» — спросил тот. Петька, конечно, хотел, но только до угла. Глаза его так и сияли: он сидел на козлах, и крестный дал ему в руки кнут! Петька проехался на настоящих, живых лошадях, проехался до самого угла! Там его встретила мать; ее эта встреча как будто озадачила: не очень-то ведь приятно увидеть своего сына на козлах мусорной телеги! Петьке сейчас же пришлось слезть; мать не преминула поблагодарить крестного, но, придя домой, строго запретила Петьке подобные поездки.

Но вот случилось ему опять выйти за ворота. На этот раз на улице не было крестного, который бы соблазнил его прокатиться, но были другие соблазны. Трое уличных мальчишек копались в проточной канавке, отыскивая себе поживу. Частенько им попадалась под руку пуговица или медный грош, но частенько случалось и порезать

руки об осколки стекол или наколоться на булавку, как, например, сейчас. Ну, как отстать от других? Петька присоединился к мальчишкам и только что сунулся в канаву, нашел серебряную монетку. На другой день он опять принялся копать вместе с мальчишками, но те-то только перепачкали себе руки, а он нашел золотое кольцо! Когда он, сияя от радости, показал им свою находку, они принялись швырять в него грязью, прозвали его Петькой — Счастливецом и запретили ему впредь рыться в их компании.

За двором дома коммерсанта находилось порожнее место. Почва была сырая, и, чтобы осушить ее и сделать годною для постройки, хозяева разрешили свозить туда сухой мусор. Там его и лежали целые кучи. Крестный часто ездил сюда, но Петька уже не смел кататься с ним. Уличные мальчишки рылись в мусоре, раскапывая кучи кто щепкою, кто прямо голой рукой, — иной раз попадалось и что-нибудь путное! Петьку тоже потянуло сюда, но мальчишки, едва завидели его, закричали: «Убирайся, Петька-Счастливец!» Он не послушался, и один из них пустил в него комком земли. Комок ударился об носок деревянного башмака Петьки, рассыпался, и из него выкатилось что-то светленькое. Петька поднял; это было янтарное сердечко. Мальчик побежал с ним домой, а другие и не заметили, что он при всяких

обстоятельствах, даже когда в него швыряли грязью, оставался баловнем счастья.

Серебряную монетку, которую он нашел в канаве, спустили в его копилку, а кольцо и сердечко мать решила показать жене коммерсанта, — может быть, их следовало представить в полицию, как найденные вещи? Как обрадовалась барыня, увидев кольцо! Это ведь было ее обручальное кольцо, которое она потеряла три года тому назад. Вот как долго лежало оно в канаве. Петьку щедро наградили за находку; зазвенело у него в копилке! О янтарном же сердечке барыня отозвалась как о безделушке, которую Петька мог оставить у себя.

Ночью сердечко лежало на комодe, а бабушка лежала в постели. «Что это там горит огоньком, ровно свечка?» — сказала она, встала и увидела, что это светится янтарное сердечко. Да, бабушка хоть и слаба была глазами, а видела-то иногда побольше других! У нее было свое на уме, и утром она прoderнула в ушко янтарного сердечка крепкий шнурок, а потом повесила сердечко внуку на шейку. «Никогда не снимай его, разве надо будет переменить шнурок! — сказала она мальчику. — И не показывай его другим мальчикам, а то они отнимут его у тебя, и у тебя заболит животик!» Это была единственная болезнь, знакомая Петьке. А в сердечке-то и впрямь была чудесная сила! Бабушка потеряла его рукою, потом поднесла к нему

соломинку, и та так и прильнула к нему, словно живая!

Глава II

К барчуку приставили гувернера, который учил только его одного, гулял только с ним одним. Петьке тоже не след было оставаться неучем, и его стали посылать в школу. Но там вместе с ним училось множество ребятишек, все они играли вместе, а это куда веселее, чем вечно ходить с одним гувернером. Нет, Петька не поменялся бы с Феликсом.

Петька, как известно, уродился счастливцем, но оказалось, что и крестный его — тоже, хоть его и звали не Петькой. Он выиграл на лотерейный билет, купленный в складчину с одиннадцатью товарищами, целых двести риксдалеров. Конечно, он сейчас же обзавелся приличной одеждой и чувствовал себя в ней отлично. Но счастье коли уж повалит кому, так повалит валом! Крестный вслед за тем получил и новую должность, бросил свою мусорную колесницу и поступил в театр. «Как? Что? — удивилась бабушка. — В театр? Да чем же он там будет?» Подручным машиниста! Да, вот так повышение в чине! Он как будто стал другим человеком. А уж какое удовольствие доставляли ему театральные представления, хоть он и мог

глядеть на них только сверху или из-за боковых кулис. Лучше всего были балетные, но они зато и обходились всего дороже, и возни с ними было всего больше, и пожаром они грозили не на шутку: пляска шла ведь и на небе, и на земле. Вот бы поглядеть на все это Петьке! Крестный и пообещал взять его с собою в театр, когда пойдет генеральная репетиция нового балета. Тогда все будут разодеты, все равно как на настоящем представлении, когда уж приходится платить деньги, чтобы полюбоваться на все это великолепие. Балет назывался «Самсон»; филистимляне плясали вокруг него, а он разрушал весь дом, и все вместе с ним погибали. Настоящей беды от этого произойти, однако, не могло: в театре всегда находились наготове пожарные со всеми своими снарядами.

Петька сроду не видал никакого представления, не то что балета. Его нарядили в праздничное платье, и он отправился с крестным в театр за кулисы. Тут был ни дать ни взять огромный чердак, с какими-то занавесками, ширмами и щелями в полу; всюду горели лампы и свечи, всюду были какие-то узенькие лазейки и ходы, а от них подымались кверху как будто церковные pulpитры; пол был покатый. Петьку усадили, куда следовало, и велели сидеть там, пока все не кончится и за ним не придут. У него было с собою три бутерброда — не проголодается!

Вот вокруг разом посветлело, и откуда ни возьмись появилось множество музыкантов с флейтами и скрипками. На боковые места, где сидел Петька, стали усаживаться люди, одетые, как ходят на улице, а также рыцари в золотых шлемах, прелестные барышни в кисее и в цветах и даже ангелы с крылышками за плечами. Все они усаживались кто вверху, кто внизу. Это были танцовщики и танцовщицы, но Петька-то думал, что это те самые сказочные люди, о которых рассказывала ему бабушка. Потом явилась дама в золотом шлеме и с копьём в руке. Эта была лучше всех! Она зато и глядела на всех свысока и уселась между ангелом и троллем. У Петьки просто глаза разбегались, а самый-то балет еще и не начинался! Вдруг все стихло. Какой-то человек, весь в черном, замахнулся на музыкантов волшебной палочкой, и те заиграли так, что вокруг загудело, и вся стена поднялась кверху. Открылся чудесный сад с цветами, освещенный солнцем. В саду танцевали и прыгали люди. Такого великолепия Петьке и во сне не снилось. Вот явились солдаты, началась война, а потом пир; видел Петька и Самсона, и его невесту. Красивая-то она была красивая, да уж и злая же! Она предала Самсона, филистимляне выкололи ему глаза и заставили вертеть жернов на мельнице, а потом привели его на пир и стали глумиться над ним. Но вот он ухватился за тяжелые столбы, на

которых держался потолок, потряс их, и весь дом развалился. Все смешалось в кучу и загорелось чудесными красными и зелеными огнями! Петька просидел бы тут, кажется, всю жизнь, даже если бы съел все свои бутерброды! Он таки и съел их.

Вот было рассказов, когда он пришел домой! Уложить его спать нечего было и думать. Он становился на одну ногу, вскидывал другую на стол («так делала невеста Самсона и все другие барышни»), ходил вокруг бабушкиного кресла, вертя жернов, и наконец опрокинул на себя два стула и подушку, чтобы показать разрушение дома. Изображая действие, он изображал и музыку — разговоров в балете не полагается. Он пел и высоким и низким голосом, и со словами и без слов, не заботясь ни о какой связи, и вышла ни дать ни взять целая опера. Всего замечательнее-то был чудесный, звонкий, как колокольчик, голосок Петьки, но его-то как раз никто и не замечал.

Прежде Петьке хотелось поступить в мальчики в мелочную лавочку, чтобы распорядиться черносливом и сахарным песком, но теперь он узнал, что есть на свете кое-что получше. То ли дело участвовать в истории Самсона и плясать по-балетному! Что ж, бабушка против этого ничего не имела; многие бедные дети шли этой дорогой и делались честными, уважаемыми людьми. Девочке из своей семьи она бы не

позволила пойти этой дорогой, ну а мальчик стоит на ногах тверже, не упадет! «Да там никто и не падал, — сказал Петька, — пока не рухнул весь дом, — тогда уж все попадали!»

Глава III

Петька решил поступить в балет. «Он мне покоя не дает!» — говорила мать. Наконец бабушка пообещала внуку свести его к балетмейстеру, прекрасному господину, владельцу собственного дома, как и коммерсант. Удастся ли и Петьке когда-нибудь добиться того же? Для Господа Бога нет ничего невозможного! А Петька вдобавок родился с золотым яблочком в руке. Счастье, так сказать, было вложено ему прямо в руки; отчего ж бы также и не в ноги? Петька явился к балетмейстеру и сразу узнал его: это ведь был Самсон! Но глаза его ничуть не пострадали от филистимлян. Впрочем, Петька знал, что то была лишь комедия. Самсон ласково поглядел на мальчика, велел ему выпрямиться, вытянуть ногу и показать подъем. Петька показал даже колено. «Ну, вот его и приняли в балет!» — рассказывала бабушка.

Дело было слажено скоро, но еще до того, как свести мальчика к балетмейстеру, мать и бабушка посоветовались с разными сведущими людьми;

прежде всего с женой коммерсанта, и та нашла, что это прекрасная дорога для красивого, славного мальчика «без будущего». Потом обратились к девице Франсен; эта знала толк в балете, сама в дни бабушкиной молодости была прелестной танцовщицей, изображала богинь и принцесс и пользовалась почетом всюду, где только бывала. Но вот она состарилась — это ведь наша общая судьба, — и ей перестали давать главные роли; молодежь оттеснила ее, пришлось ей танцевать на заднем плане, а потом и вовсе стушеваться, перейти в уборную наряжать других богинями и принцессами. «Так-то оно идет на свете! — говаривала девица Франсен. — Дорожка актера веселая, но поросла терниями и интригами! Ух какими интригами!» Этого слова Петька еще не понимал, но скоро просветился на этот счет.

— Он во что бы то ни стало хочет в балет! — сказала мать.

— Он набожный, честный мальчик! — добавила бабушка.

— И прекрасно сложен! — подхватила девица Франсен. — Прекрасного сложения, и хорошей нравственности! Да, поблистала в свое время и я!

Петька стал ходить в школу учиться танцевать по-балетному. Ему выдали особое легкое летнее платье и башмаки на тонких подошвах, чтобы легче было двигаться и прыгать. Старые танцовщицы

целовали его и говорили, что он просто сахарный мальчик.

И вот заставили Петьку держаться в струнку, вывертывать носки наружу, стоять на одной ноге и размахивать другою, держась за палку, чтобы не упасть. Все это давалось ему легче, чем многим из его товарищей; балетмейстер трепал его по плечу и обещал скоро выпустить на сцену. Петька должен был изображать принца: на него наденут золотую корону, и солдаты поднимут его на щит. Балет сначала репетировали в школе, а потом и на сцене.

Как было матери и бабушке не пойти в театр полюбоваться на Петьку во всем его блеске! Они и пошли, видели его, и обе прослезились, хотя зрелище было самое веселое. Петька с высоты своего величия и не видел их, зато видел коммерсанта с его семьей. Они сидели в крайней ложе у самой сцены. Феликса тоже взяли в театр; он был такой нарядный, в перчатках на пуговках, как у взрослых, и с биноклем в руках. Он весь вечер смотрел в него, точно большой, хотя и без того видел отлично. Петька смотрел на Феликса, Феликс на Петьку, а Петька-то сегодня был принцем, в короне! Благодаря этому вечеру мальчики несколько сблизились.

Дня через два-три они встретились у себя на дворе; Феликс подошел к Петьке и сказал ему, что видел его, когда он был принцем. Феликс знал,

конечно, что теперь-то Петька не принц больше, но все-таки он был принцем, носил корону! «В воскресенье я опять ее надену!» — сказал Петька. Этого представления Феликс уже не видел, но продумал о нем весь вечер. Хотелось бы ему быть на Петькином месте! У него ведь еще не было за плечами жизненного опыта девицы Франсен, знавшей, что на дороге артиста растут интриги. Не знал еще этого и Петька, но ему-то скоро пришлось узнать. Маленькие его товарищи, ученики и ученицы балетной школы, не отличались добротой, даром что часто носили за плечами ангельские крылья. Одна маленькая девочка, Малле Кналлеруп, играя пажа, вечно наступала пажу Петьке на ногу и пачкала чулок, а один злой мальчик постоянно колот его сзади булавкой и раз даже съел его бутерброд — будто бы по ошибке. А какая тут могла быть ошибка, если Петька принес бутерброд с котлеткой, а тот один хлеб без всего? Да и не перечить всех обид, что пришлось на Петькину долю за эти два года! Но самое-то худшее было все-таки впереди.

Поставили балет «Вампир»; участвовавшие в нем дети были одеты летучими мышами — в серых трико, плотно облегающих тело, и с черными бархатными крылышками за плечами. Детям велено было подражать полету летучих мышей, бегая на цыпочках или кружась волчком на месте. У Петьки

это выходило особенно хорошо. Но трико, что досталось ему, было уже старо и ветхо, не выдержало и лопнуло на нем как раз в то время, когда он кружился изо всех сил; образовалась прореха от самой шеи до того места, где у человека прикреплены ноги. Из прорехи выставился кончик куцей Петькиной рубашки. Зрители покатались со смеху. Петька понял почему, почувствовал, что лопнул сзади, но не остановился, а продолжал кружиться. Дело, однако, шло все хуже и хуже, зрители хохотали все громче и громче, другие вампиры тоже. В голове у Петьки кружилось, сам он кружился, а публика аплодировала и кричала «браво». «Это они вызывают вампира с прорехой!» — сказали другие дети и с тех пор так и прозвали Петьку — Петькой с прорехой. Петька плакал, девица Франсен утешала его. «Это все интриги!» — говорила она. Теперь Петька узнал, что такое интриги.

Кроме танцкласса, ученики театральной школы посещали еще научные классы, где их учили письму, счету, истории, географии и Закону Божию: на одних танцах да топтании балетных башмаков далеко ведь не уйдешь! Петька и тут учился прилежно, прилежнее всех, и его хвалили, но товарищи продолжали звать его Петькой с прорехой. Конечно, это была шутка, но под конец Петька не вытерпел, стал отражать насмешки

кулаками и раз поставил одному из мальчиков такой синяк под глазом, что шалуну пришлось замазывать его мелом, когда надо было выступать вечером в балете. Учитель сильно рассердился на Петьку, а еще пуще рассердилась На него метельщица полов: Петька ведь отмел этак именно ее сына.

Глава IV

Голова у Петьки все работала да работала, и вот в одно прекрасное воскресное утро, разряженный в лучшее свое платье, не сказавшись ни матери, ни бабушке, ни даже девице Франсен, которая вообще всегда снабжала его хорошими советами, он отправился прямо к капельмейстеру. Петька думал, что тот самый главный после балетмейстера. Смело вошел Петька и заговорил:

— Я учусь в балетной школе, но там столько интриг, что мне бы лучше хотелось в актеры или в певцы — как вам будет угодно.

— А есть у тебя голос? — спросил капельмейстер, ласково глядя на него. — Лицо твое что-то знакомо мне. Где же это я видел тебя? Постой, это не ты ли тогда лопнул? — И капельмейстер рассмеялся. Петька покраснел, что маков цвет. Нет, право, он уж больше не Петька-Счастливец, как прозвала его бабушка! Он

потупился, разглядывая свои собственные ноги и желая одного — поскорее убраться отсюда. — Ну, спой же что-нибудь! — продолжал капельмейстер. — Да смелее! — Он взял мальчика за подбородок, Петька взглянул в его ласковые глаза и запел арию из оперы «Роберт», слышанную им в театре: «Сжался надо мною!» — Это трудненько, но ничего, идет! — сказал капельмейстер. — У тебя прелестный голос, только бы и он не лопнул! — Тут он опять засмеялся и позвал свою жену; послушала и она Петьку, покачала головой и сказала мужу что-то на иностранном языке. Как раз в это время в комнату вошел хормейстер. Вот к кому следовало обратиться Петьке, раз он хотел в певцы. К счастью, хормейстер пришел сюда сам, случайно, как говорится. Он тоже послушал «Сжался надо мною!», но не засмеялся и не смотрел на Петьку так ласково, как капельмейстер и его жена. Тем не менее было решено, что Петька будет учиться пению.

— Ну, теперь он на верной дороге! — сказала девица Франсен. — Голос вывезет лучше, чем ноги! Будь-ка у меня в свое время голос, я бы стала знаменитой певицей и, пожалуй, даже баронессой!

— Или переплетчицей! — вставила бабушка. — Будь вы богаты, вы бы все-таки вышли за переплетчика! — Нам-то этот намек непонятен,

но девица Франсен его поняла.

Петьке пришлось петь и перед нею, и перед семейными коммерсанта, когда те узнали о новой дороге, на которую он попал. Петьку позвали к господам вечером, когда у них были гости. Он спел много песен, спел и «Сжался надо мною!». Гости аплодировали. Феликс тоже. Он уже слышал Петьку раньше: раз в конюшне Петька спел ему весь балет «Самсон», и это было лучше всего! «Балет нельзя спеть!» — заметила мать. «А вот Петька спел!» — настаивал Феликс. Петьку попросили показать свое искусство, и уж он и пел, и говорил, и барабанил, и гудел!.. Все это выходило по-детски, но из общего сумбура то и дело выделялись отрывки знакомых мотивов, которые недурно объясняли содержание балета. Гости были очень довольны, смеялись и наперерыв хвалили Петьку. Хозяйка дала Петьке большой кусок торта и серебряный далер.

Как счастлив был Петька, пока ему не попался на глаза господин, стоявший несколько поодаль и серьезно наблюдавший за ним. Его черные глаза смотрели на Петьку так жестко, сурово; он не смеялся, не аплодировал. И это был как раз сам хормейстер! На следующее утро Петька должен был явиться к нему на первый урок; учитель посмотрел на Петьку так же строго и сурово, как вчера.

— Что это с тобой сделалось вчера? — сказал он мальчику. — Ты не понимал разве, что играл там шута? Не делай этого больше, не ходи петь по чужим дворам! Теперь ступай! Сегодня я не стану заниматься с тобой!

Петька пошел как в воду опущенный — учитель рассердился на него! Напротив, никогда еще тот не был так расположен к нему: в мальчишке, пожалуй, таился гений; как ни сумбурно было все, что он вчера там нес, в общем все-таки был какой-то смысл, что-то необыкновенное. Бесспорно, у него большие способности к музыке, а голос его чист и звонок, как колокольчик, и большого объема. Не изменит он Петьке, счастье маленького человечка упрочено.

Начались уроки пения. Петька старался, у Петьки был талант. А сколько надо было учиться, сколько надо было знать! Мать работала не покладая рук, стараясь прилично содержать и одевать сына, чтобы он не смотрелся замарашкой в обществе, где стал теперь бывать. А он вечно был весел, вечно пел. «И канарейки держать не надо», — говорила мать. По воскресеньям он пел с бабушкой псалмы. Как чудесно покрывал его свежий голосок ее старческий голос! «Вот это не то что петь без толку!» — говорила бабушка. А без толку он пел, по ее мнению, когда выделявал голосом разные трели, заливался на все лады,

словно птица, словом, давал звукам, вырывавшимся из груди, полную волю. И что за переливы слышались тогда в его маленьком горлышке, что за звуки лились из его груди! Да, он мог изобразить хоть целый оркестр! Голос его напоминал и флейту, и фагот, и скрипку, и валторну, мог он петь и как птицы, но голос самого человека, хотя бы даже такого маленького, если только он поет, как Петька, все-таки лучше всего.

Но вот зимою Петька стал ходить к священнику готовиться к конфирмации и простудился. Птичка, что сидела в его груди, пискнула и умолкла, голос лопнул, как трико вампира. «Беда не велика! — сказали мать с бабушкой. — Перестанет петь без толку и лучше займется у священника». Учитель объяснил, что теперь у Петьки голос ломается и что ему поэтому совсем не следует петь. Долго ли? Год, пожалуй, два, а пожалуй, голос и не вернется вовсе. То-то горе! «Теперь надо думать только о конфирмации!» — твердили мать и бабушка. «Продолжай заниматься музыкой, но держи рот на запоре!» — твердил учитель пения. И Петька думал о конфирмации и занимался музыкой. А внутри у него так и пело, так и звучало! И он стал записывать эти мелодии на нотную бумагу; сначала одни мелодии, без слов, а потом стал сочинять к ним и слова. «Да ты поэт, Петруша!» — сказала

жена коммерсанта, когда он однажды поднес ей сочиненные им текст и музыку. Самому коммерсанту Петька посвятил песню без слов; того же удостоился и Феликс, и даже девица Франсен. Произведение Петьки заняло место в ее альбоме, где были и стихотворные, и музыкальные произведения, посвященные ей двумя некогда молодыми лейтенантами, а ныне старыми отставными майорами. Самый альбом был подарен «другом», который даже собственноручно и переплел его. На Пасхе Петька конфирмовался. Феликс подарил ему серебряные часы. Это были первые Петькины часы, и он, получив их, сразу почувствовал себя большим: полно теперь узнавать время по чужим часам! Феликс сам поднялся на чердак поздравить Петьку и подарить часы; его собственная конфирмация была отложена до осени. Мальчишки протянули друг другу руки. Оба выросли под одной крышей, оба были ровесниками, родились в один и тот же день и в одном и том же доме. Феликса угостили пирожным, испеченным на чердаке по случаю Петькиной конфирмации. «Это радостный и важный день!» — сказала бабушка. «И еще какой важный! — подтвердила мать. — Вот бы дожил до этого отец!»

В следующее воскресенье все трое пошли к причастию. Когда они вернулись, им сказали, что за Петькой присылал учитель пения; Петька сейчас же

поспешил к нему. Веселые и в то же время важные новости ждали его там. Пением ему было запрещено заниматься целый год, голос надо было оставить «под паром», как выражается крестьянин о пашне, и за этот год Петька должен был научиться многому, но не здесь в столице, где он каждый вечер бегал бы в театр, а в провинции, в тридцати милях отсюда. Его хотели поместить на полный пансион к одному учителю, у которого было еще несколько таких же учеников-пансионеров. У него Петька будет учиться языкам и наукам, которые ему впоследствии пригодятся. Годовая плата за учение и содержание равнялась тремстам далерам, и ее взялся вносить «неизвестный благодетель». «Это коммерсант!» — сказали мать и бабушка.

Настал день отъезда. Пролито было много слез, роздано и получено много поцелуев и благословений, и вот Петька покати́л по железной дороге далеко-далеко, за тридцать миль от родины! Время было около Троицы. Солнышко сияло, лес стоял в свежем зеленом уборе; поезд промчался через лес, потом замелькали поля, деревни, барские усадьбы и пастбища со скотом. Вот, наконец, и станция, за ней другая, город за городом. На каждой станции толкотня и суматоха встречающих и провожающих пассажиров; шум, говор. В вагоне, где сидел Петька, не умолкала трескотня одной вдовушки в трауре. Она все говорила о «своей

могиле», о «своем гробе», о «своем теле», то есть о могиле, гробе и теле своего ребенка. Он, по ее словам, был такой хилый, несчастненький, что мало было бы радости, если бы он выжил. Своею смертью бедный ягненочек прямо развязал ей руки — и ему, и ей теперь лучше!

— Уж я не пожалела для такой okazji цветов! — тараторила она. — А ведь умер-то он в самую дорогую пору! Их приходилось доставать из оранжерей! Каждое воскресенье я отвозила на свою могилу свежий венок с большой шелковой лентой. Ленту-то сейчас же похищали девчонки на косоплетки. Еще бы не соблазниться! Но вот прихожу это я раз и гляжу — моя могила направо, а я знаю, что она всегда была налево от главной аллеи! «Это что? — говорю я сторожу. — Разве моя могила не налево?» — «Никак нет! — отвечает он. — Тело-то ваше, сударыня, лежит налево, но насыпь перенесена направо; место-то оказалось чужое». — «Но я хочу, чтобы мое тело лежало в моей могиле! — говорю я, и я имела полное право говорить так. — Что ж я буду ходить и украшать одну насыпь, а мое тело будет лежать по другую сторону без всякого знака? Не хочу я этого!» — «Так извольте, сударыня, поговорить с пробстом!» — говорит мне сторож. Ну, пробст оказался милым господином! Он разрешил перенести мое тело направо, если я заплачу за это пять

риксдалеров. Я заплатила с удовольствием и опять обрела свою могилу. «Но могу я быть уверена, что вы перенесли именно мой гроб и мое тело?» — спрашиваю я у могильщиков. «Можете, можете, сударыня!» — сказали мне они, и я дала каждому еще по марке за труды. Ну, потратив столько, я решила, что надо предпринять что-нибудь и для украшения могилы, и заказала памятник с надписью. И представьте себе, получаю его и вижу: на самом верху изображена бабочка! «Да ведь это знак легкомыслия! — говорю я. — Я не хочу ничего такого на своей могиле!» — «Нет, сударыня, это знак бессмертия!» — говорят мне. «Сроду не слыхивала!» — говорю я. Ну, а из вас, господа, слыхал кто-нибудь, что бабочка означает что-либо кроме легкомыслия? Ну, однако, я замолчала, — я не люблю много разговаривать, а взяла да и велела поставить памятник в чулан. Там он и стоял, пока не вернулся домой мой жилец-студент. У него пропасть книг! Он подтвердил, что бабочка — бессмертие, и памятник отправился на свое место!

Под такие-то разговоры Петька доехал до места назначения, где ему следовало сделаться таким же умным, как студент, у которого было пропасть книг.

Глава V

Господин Габриэль, уважаемый ученый, принявший Петьку к себе пансионером, лично встретил мальчика на станции. Это был худой, как скелет, господин, с большими блестящими глазами навывкате; когда он чихал, за них просто страшно становилось: того и гляди выскочат. Господина Габриэля сопровождали трое маленьких сыновей его. Один все спотыкался о свои собственные ноги и падал, а двое других наступили на ноги Петьке, чтобы получше рассмотреть его. Кроме того, с господином Габриэлем пришли еще двое мальчиков; старшему, бледному, веснушчатому и прыщавому, было на вид лет четырнадцать.

— Это юный Массен, через три года студент, если займется! А это Примус, сын пробста! — отрекомендовал их господин Габриэль. Примус был похож на сдобную пышку. — Оба они мои пансионеры! А это — домашний скарб! — закончил он, указывая на сыновей. — Трина, поставь чемодан вновь прибывшего на тачку! Обед вам оставлен дома!

— Фаршированная индейка! — закричали оба пансионера.

— Фаршированная индейка! — подхватил «домашний скарб», и один из них опять растянулся, запнувшись о собственные ноги.

— Цезарь, гляди себе под ноги! — изрек господин Габриэль, и все пошли сначала в город, а

потом дальше за город. У дороги стоял большой ветхий дом, перед которым красовалась беседка из жасмина. В беседке поджидала мужа сама госпожа Габриэль с остальным «домашним скарбом», двумя маленькими девочками. — Вот новый ученик! — сказал господин Габриэль.

— Добро пожаловать! — отозвалась его супруга, моложавая, полная, белая, румяная и обильно напомаженная женщина, с колечками из волос на висках. — Господи, да вы совсем взрослый! — прибавила она. — Настоящий мужчина! А я думала, что вы вроде Примуса или Массена. Голубчик Габриэль, ведь хорошо, что мы забили среднюю дверь. Ты знаешь мои взгляды!

— Чепуха! — сказал господин Габриэль, и все они вошли в комнату. На столе лежал раскрытый роман, а на нем, поперек страницы, словно вместо закладки, бутерброд.

— Теперь позвольте мне быть хозяйкой! — С этими словами госпожа Габриэль, в сопровождении своих пятерых ребят и двух пансионеров, повела Петьку через кухню и коридор в маленькую комнатку с окном в сад. В этой комнатке Петька должен был спать и учиться; она примыкала к комнате госпожи Габриэль, где та спала вместе с детьми, но дверь, соединявшая эту комнату с Петькиной, была сегодня утром заколочена самим господином Габриэлем; этого потребовала во

избежание сплетен, которые никого не щадят, его супруга. — Здесь вы заживете, как у своих родителей! Театр у нас в городе тоже есть. Аптекарь наш стоит во главе общества актеров-любителей; заезжают к нам и настоящие артисты. Но теперь пора вам приняться за свою индейку! — И хозяйка повела Петьку в столовую, где сушилось на протянутых веревках мокрое белье. — Это ведь никому не мешает! — сказала она. — И делается это только ради чистоты, а вы к ней, конечно, привыкли. — Петька принялся за индейку, двое пансионеров удалились, а дети хозяйки, ради удовольствия приезжего и своего собственного, стали давать драматическое представление.

В городе недавно играла заезжая труппа. Давали между прочим «Разбойников» Шиллера. Двое старших мальчиков до того увлеклись пьесой, что сейчас же разыграли ее дома всю целиком, хотя и запомнили из всех ролей только слова: «Сны зависят от желудка». Слова эти каждый из детей повторял на свой лад и со всевозможными интонациями. Амалия мечтательно подымала глаза к небу и говорила: «Сны зависят от желудка!», а затем закрывала лицо руками; Карл Моор выступал геройскими шагами и мужественно восклицал: «Сны зависят от желудка!», затем вбегали все пятеро детей зараз и принимались избивать друг

друга, в качестве разбойников, крича: «Сны зависят от желудка!» Вот так было представление! Итак, вступление Петьки в дом господина Габриэля было ознаменовано фаршированной индейкой и представлением «Разбойников». Затем Петька отправился в свою комнатку; окошко с выжженными солнцем стеклами было обращено в сад. Петька подсел к окну и стал смотреть в него. По саду разгуливал господин Габриэль, углубленный в чтение какой-то книги. Вдруг он подошел к окну и, казалось, пристально посмотрел на Петьку. Мальчик почтительно поклонился, а господин Габриэль широко разинул рот, высунул язык и стал повертывать им во все стороны прямо перед носом перепуганного Петьки. Мальчик в толк не мог взять, за что так с ним обращаются. Наконец господин Габриэль отошел было, но затем опять вернулся к окну и опять высунул язык. Зачем он это проделывал? Да он и не думал дразнить Петьку, а еще меньше думал о том, что стекла прозрачны; он только пользовался тем, что они отражают, как зеркало, и старался рассмотреть свой язык; господин Габриэль страдал желудком. Петька же ничего этого не знал.

Господин Габриэль рано вернулся в свою комнату. Петька сидел в своей. Вот уж и поздний вечер. Вдруг он услышал в комнате госпожи Габриэль женскую перебранку.

— Я пойду и скажу господину Габриэлю, какие вы дуры!

— А мы пойдем и скажем ему, какова сама барыня!

— Ах, со мной истерика сделается!

— Кому охота поглядеть на барынину истерику? Четыре гроша за вход!

Тон хозяйки понизился, но слова стали раздаваться явственнее:

— И что подумает о нашем доме молодой человек? Этакая неотесанность! — И перебранка стихла, но затем опять возобновилась. — *Punctum Funalis!* — закричала хозяйка. — Ступайте готовить пунш! Худой мир лучше доброй ссоры! — Все смолкло; хлопнула дверь; девушки ушли, а хозяйка постучала в дверь к Петьке. — Молодой человек! Теперь вы имеете понятие о том, каково быть хозяйкой! Благодарите Бога, что вы не держите прислуги. Я желаю мира и спокойствия и вот угощаю их пуншем! Я бы с удовольствием угостила и вас — после этого так хорошо спится! Но позже десяти часов никто не смеет ходить по коридору; так желает Габриэль. Ну да пунш-то вы все-таки получите! В двери большая заткнутая дырка; я ототкну ее и просуну в нее конец воронки, вы поставите под него свой стакан, и я налью вам пунша. Но это надо держать в строгом секрете даже от Габриэля, его нельзя будировать домашними

дразгами. — И Петька угостился пуншем; в комнате хозяйки водворилась тишина, во всем доме тоже. Петька улегся, вспомнил про мать и бабушку, прочел вечернюю молитву и заснул.

Бабушка говорила, что первый сон на новом месте имеет особенное значение, а Петьке снилось, что он взял свое янтарное сердечко, которое все еще носил на груди, посадил его в цветочный горшок, и из него выросло высокое дерево, которое затем проросло через потолок и через крышу. На нем росли тысячи золотых и серебряных сердец. Наконец горшок лопнул, и в нем уже не оказалось никакого сердечка — одна земля, прах. Тут Петька проснулся. Сердечко по-прежнему висело у него на груди, такое тепленькое-тепленькое, согретое теплотою его собственного сердца.

Глава VI

Первый урок у господина Габриэля начинался рано утром; занимались французским языком. За завтраком сидели только пансионеры, дети и сама хозяйка. Она пила в это время свой «второй» кофе; первый ей всегда подавали в постель.

— Это так здорово — пить кофе в постели, если имеешь расположение к истерике! — говорила она. Она спросила у Петьки, какой у него был сегодня урок.

— Французский! — ответил он.

— О, это дорогой язык! — сказала она. — Это язык дипломатов и аристократов. Я не училась ему в детстве, но в сожителстве с ученым мужем многому научишься так же хорошо, как будто училась этому с малолетства. Все необходимые слова я знаю и думаю, что сумею скомпрометировать себя в любом обществе!

Замужество с ученым мужем доставило госпоже Габриэль еще иностранное имя. Крестили ее Меттой в честь одной тетки, все богатства которой должны были перейти к ней по наследству. Ну, имя-то перешло, а наследство-то нет, и господин Габриэль стал звать свою супругу «Мета», что значит по-латыни «цель». На всем ее белье красовалась метка М. Г., т. е. Мета Габриэль, но остроумный пансионер Массен принял их за отметку «meget godt» («очень хорошо») и добавил к ним чернилами большой вопросительный знак на всех скатертях, носовых платках и простынях (В датских школах отметки выражаются не цифрами, а буквами, как-то: ug. (udmoerket godt, т. е. отлично), mg. (meget godt, т. е. очень хорошо) и т. д. Вопросительный же знак соответствует минусу. — Примеч. перев.).

— Вы разве хозяйку нашу не любите? — спросил Петька, когда юный Массен посвятил его в свою остроумную выдумку. — Она такая ласковая,

а господин Габриэль такой ученый.

— Она лгунья, — сказал юный Массен, — а господин Габриэль негодяй! Был бы я капралом, а он рекрутом, я бы так отстегал его! — И лицо юного Массена приняло какое-то кровожадное выражение, губы стали еще тоньше, а все лицо обратилось как бы в одну сплошную веснушку.

Петьку дрожь пробрала от таких ужасных слов, а юный Массен считал себя правее правого, рассуждая: «Разве не жестоко со стороны родителей и учителей заставлять человека терять свои лучшие годы, свою золотую молодость, зубря грамматику и никому не нужные имена и числа вместо того, чтобы наслаждаться свободой, дышать полной грудью, бродить с ружьем за плечами, как настоящий охотник! То-то было бы раздолье! Так нет, знай сиди взаперти и зевай над книгой по приказу господина Габриэля, терпи упреки в лености и получай дурные отметки, о которых еще отписывают родителям! Как же после этого господин Габриэль не негодяй?!»

— И он дерется линейкой! — подхватил Примус, по-видимому, вполне согласный с Массеном. Невесело было Петьке слушать такие речи. Но ему не пришлось отведать линейки — он был почти мужчина на вид, как сказала хозяйка; не бранили его и за леность — он не ленился. С ним стали заниматься отдельно, и скоро он перегнал и

Массена и Примуса.

— У него есть способности! — говорил господин Габриэль.

— И видно, что он прошел балетную школу! — прибавляла хозяйка.

— Надо залучить его в наше общество! — сказал аптекарь, который больше интересовался любительским кружком города, нежели своей аптекой. Злые языки повторяли про него старую, избитую остроту: «Его укусил бешеный актер, оттого он с ума и сходит по театру!» — Он просто рожден «первым любовником»! — продолжал аптекарь. — Года через два из него выйдет такой Ромео! Да я думаю, если хорошенько загримировать его да приделать ему усики, он и нынешней зимой отлично сыграет Ромео.

Юлию должна была играть дочка аптекаря, большой драматический талант, по словам отца, писаная красавица, по словам матери. Госпожа Габриэль могла сыграть кормилицу, а сам аптекарь, исполнявший обязанности и директора и режиссера, хотел взять на себя роль аптекаря; она хоть и маленькая, но первой важности. Все зависело теперь от позволения господина Габриэля. Разрешит ли он Петьке играть? Надо было постараться «обойти» его через госпожу Габриэль, а для этого требовалось сначала умаслить ее. Ну, на это-то аптекаря было взять!

— Вы просто рождены для роли кормилицы! — говорил он, искренно воображая, что этим страсть как льстит ей. — Это, собственно говоря, самая здоровая роль в пьесе! И веселая роль! Без нее нельзя было бы досмотреть пьесу — такая она печальная! А в вас, *madame* Габриэль, так и бьют ключом нужные живость и веселость!

В глазах госпожи Габриэль аптекарь был вполне прав, но она сильно сомневалась, чтобы муж ее позволил своему воспитаннику потратить хоть чуточку времени на разучивание роли и участие в спектакле. Тем не менее она обещала постараться «обойти» мужа, и аптекарь немедленно принялся за изучение своей роли. Особенно озабочивал его грим; он хотел явиться настоящим скелетом, олицетворенной нищетой и убожеством и все-таки порядочным человеком. Задача трудная! Но куда труднее было госпоже Габриэль «обойти» мужа. В самом деле, как ему было оправдаться перед лицами, поместившими к нему Петьку и платившими за его ученье, если он позволит мальчику играть в трагедии? Не скроем, впрочем, что сам-то Петька сгорал желанием играть.

— Но господин Габриэль не позволит! — говорил он.

— Позволит! — утешала его хозяйка. — Погодите, я обойду его! — Она бы охотно прибегла к пуншу, да вот беда, господин Габриэль

недолюбливал пунша! Супруги часто не сходятся вкусами, не в обиду будь сказано госпоже Габриэль. «Один стаканчик, не больше! — говаривала она. — Это подымает дух, веселит человека, а таким ему и велел быть Господь Бог!»

Петька должен был играть Ромео; хозяйке таки удалось «обойти» супруга. У аптекаря состоялась считка, был подан шоколад и «гении», то есть чайное печенье особого сорта. Эти крендельки продаются в булочных по скиллингу за дюжину. Они такие крохотные и подаются обыкновенно в таком изобилии, что название их «гениями» стало ходячей остротой.

— Насмехаться-то легко! — замечал господин Габриэль, а сам раздавал насмешливые прозвища направо и налево. Дом аптекаря он прозвал «Ноевым ковчегом с чистыми и нечистыми животными». И это за то только, что там очень любили домашних животных, принятых как бы в состав семьи. У барышни была прелестная кошечка Грациоза, с пушистой, мягкой шерсткой. Киска располагалась отдыхать то на подоконнике, то на коленях, то на чьем-нибудь рукоделии, а то так бегала по накрытому обеденному столу. У самой аптекарши был птичий двор с утками и курами, канарейки и попугай. Попка мог перекричать всех остальных птиц вместе. Кроме того, по комнатам расхаживали две собаки, Флик и Флок, и, хотя от

них совсем не благоухало, валялись и по дивану, и по супружеской постели.

Считка началась и шла вполне благополучно, если не считать маленького перерыва, вызванного тем, что одна из собак ослюнявила новое платье госпожи Габриэль. Но, конечно, она хотела только приласкаться к гостье, да и пятен на платье не осталось! Кошка тоже несколько мешала чтению; ей непременно хотелось подать лапку исполнительнице роли Юлии, усесться ей на голову и помахивать хвостиком. И Юлия делила свои нежные речи между кошкой и Ромео. А Петьке по своей роли приходилось говорить дочке аптекаря как раз то, что он бы и желал сказать ей. Как она была мила, трогательна, «истое дитя природы», и «вполне шла рядом со своею ролью», как выражалась госпожа Габриэль. Петьку просто в жар бросало от всего этого. Кошка же проявила кое-что даже повыше инстинкта, усевшись на плечо Петьке и таким образом наглядно изображая симпатию между Ромео и Юлией. С каждой репетицией сердечность отношении становилась яснее и полнее, кошка доверчивее, попка и канарейки крикливее; Флик и Флок носились как угорелые.

Настал и день спектакля; Петька был вылитым Ромео и поцеловал Юлию в самые губки.

— Как нельзя более естественно! — заявила госпожа Габриэль.

— Бесстыдник! — проворчал советник, господин Свенсен, первый богач и первый толстяк в городе. От жары в комнате и от внутреннего жара пот лил с него градом. Петька не приглянулся ему. — Этаким щенок! — отозвался про него толстяк. — Да еще такой длинный, что, переломи его пополам, выйдут два щенка!

Итак, большой успех и только один враг! Петька и тут оказался Петькой — Счастливецем!

Усталый, ошеломленный массой новых впечатлений, добрался он до своей комнатки. Было уже за полночь. Госпожа Габриэль постучала в стену:

— Ромео! У меня есть пунш! — В дырку просунулась воронка, и Петька-Ромео подставил под нее стакан.

— Покойной ночи, госпожа Габриэль! — Но сам-то Петька заснуть не мог. В ушах у него не переставали раздаваться слова, сказанные им сегодня Юлии, в особенности же — услышанные от нее. Во сне ему даже приснилось, что он женится... на девице Франсен! Чего-чего только не приснится иной раз человеку!

Глава VII

— Теперь все эти театральные представления побоку! Надо приналечь на науку! — сказал на

следующее утро господин Габриэль, и Петька уже готов был согласиться с юным Массеном, негодовавшим на необходимость терять золотую юность, сидя взаперти за книжкой. Но когда он уселся за нее, он нашел в ней столько нового и хорошего, что весь ушел в нее. Сколько интересного узнал он о великих людях, об их подвигах! А ведь многие из них родились в бедности! Герой Фемистокл был сыном горшечника; Шекспир, бедный ученик ткача, молодым человеком сторожил лошадей перед дверьми театра, где впоследствии стал могущественным повелителем, царем поэтов и драматургов всех стран и времен! Узнал Петька и о состязаниях певцов в Вартбурге, и о состязаниях древнегреческих поэтов на больших народных празднествах. О последних господин Габриэль рассказывал особенно охотно. Софокл написал лучшую свою трагедию на старости лет, завоевал пальму первенства, и сердце его разорвалось от радости под гром восторженных рукоплесканий. Какая блаженная смерть! Умереть в момент высшего торжества, упоения славой, что может быть лучше? Мечты, одна смелее другой, увлекали нашего молодого друга, но ему не с кем было поделиться ими. Ведь ни юный Массен, ни Примус, ни даже сама госпожа Габриэль не поняли бы его. Последняя вечно переходила из одного настроения

в другое: или была бесконечно весела, или заливалась горячими слезами. Девчурки ее удивленно тарасились на нее; ни они, ни Петька ума приложить не могли, с чего бы это она так убивалась? А она говорила: «Бедные девочки! Мать только и думает о вашем будущем. Мальчики, те пробьются сами! Цезарь, правда, все падает, но опять встает! Двое старших вечно плещутся в лохани, верно, будут моряками и тогда, конечно, сделают хорошие партии, но с бедными девочками что станется? Войдут в возраст, сердечко заговорит, и я уверена, что выбор их не придется по вкусу Габриэлю! Он захочет выдать их за таких женихов, на каких они и глядеть не захотят, и вот они будут несчастны. Вот о чем сокрушается материнское сердце! Бедные мои девочки! Вы будете такие несчастненькие!» И она опять заливалась слезами. Девочки глядели на нее, Петька тоже — и мало-помалу сам настраивался на грустный лад; не зная, однако, что сказать ей в ответ, он скоро уходил в свою комнатку, садился за старые клавикорды и уносился в мир музыкальных фантазий, выливавшихся у него прямо из души.

Ранним утром со свежей головой он принимался за свои занятия, исполняя свой долг перед теми, кто платил за него. Он был добросовестный, благоразумный мальчик; изо дня в день вел он в своем дневнике запись о пройденных

уроках, обо всем прочитанном и о том, как поздно засиделся накануне за клавирами, наигрывая как можно тише, чтобы не разбудить госпожу Габриэль. И только по воскресеньям, в дни отдыха, в дневнике попадались такие заметки: «думал о Юлии», «был у аптекаря», «проходил мимо аптеки», «писал матери и бабушке». Петька все еще оставался и Ромео, и добрым сыном. «Удивительное прилежание! — говорил господин Габриэль. — Берите с него пример, юный Массен. Вы ведь провалитесь!» «Негодяй!» — мысленно аттестовал своего учителя юный Массен.

Примус, сын пробста, страдал сонливостью. «Это болезнь! — уверяла его мамаша. — С ним нельзя быть строгим!» Пробст с семьей жил всего в двух милях от господина Габриэля; дом у них был полная чаша; жили они широко. «Вот помяните мое слово, пробст умрет епископом! — говорила госпожа Габриэль. — У него такие союзы при дворе, да и жена его из знатного рода, знает наизусть всю герольдику!»

Опять пришла Троица; прошел целый год с тех пор, как Петька поселился в доме господина Габриэля. За это время он приобрел много познаний, но голос его все еще не вернулся, да и вернется ли когда-нибудь?

Господин Габриэль со всем семейством и пансионерами был приглашен к пробсту на обед и

затем на бал. Созвано было множество гостей из города и из окрестных усадеб. Семейство аптекаря тоже было приглашено. Ромео предстояло увидеться с Юлией и, может быть, даже протанцевать с ней первый танец!

Двор и дом пробста содержались в строгом порядке; дом был весь оштукатурен, а во дворе никто бы не нашел ни одной навозной кучи; зато там возвышалась выкрашенная в зеленый цвет голубятня, увитая плющом. Жена пробста была высокая, плотная женщина, «*glauopis Athene*», как называл ее господин Габриэль, «голубоокая, но не волоокая Юнона», как мысленно назвал ее Петька. Она отличалась какой-то важной кротостью и все жаловалась на свое слабое здоровье; вернее, она страдала той же болезнью, что и сынок — сонливостью. Одетая она была в шелковое платье василькового цвета; завитые волосы были высоко взбиты и с правой стороны придерживались большим медальоном с портретом ее прабабушки-генеральши, а с левой — большой кистью винограда из белого фарфора.

У пробста были красное подвижное лицо и блестящие белые зубы, отлично справлявшиеся с жарким из дичи. Разговор его весь был пересыпан анекдотами; он мог найти тему для беседы с любым человеком, но зато сам-то этот человек уж никак не мог сказать, что беседовал с пробстом. Среди

гостей находился и советник, а в числе наехавших из усадеб и Феликс, сын коммерсанта. Он уже конфирмовался и был теперь элегантейшим молодым человеком и по платью, и по манерам. Поговаривали, что он миллионер, и госпожа Габриэль даже побоялась заговорить с ним. Петька же был несказанно рад встрече с Феликсом; тот сам приветливо подошел к нему и передал ему поклон от своих родителей; они читали все письма, которые писал Петька матери и бабушке.

Начался бал. Дочка аптекаря танцевала первый танец с советником, — так уж она обещала заранее своей матери и самому советнику. Второй танец был обещан Петьке, но явился Феликс и перебил у него даму, ограничившись лишь приветливым кивком и словами: «Вы позволите? Mademoiselle согласна, если вы позволите!» Петька состроил вежливую мину, но не сказал ни слова, и Феликс умчал дочку аптекаря, бывшую царицей бала. Следующий танец опять танцевал с нею он.

— А гросфатер вы подарите мне? — спросил Петька, бледный от волнения.

— Да, да! — ответила она, очаровательно улыбаясь.

— Ну, не захотите же вы отбивать у меня даму! — сказал Феликс, стоявший тут же. — Это не по-дружески, а мы с вами ведь старые друзья. Вы сказали, что очень довольны нашей встречей, так не

отнимайте же у меня удовольствия вести mademoiselle к столу! — С этими словами он обнял Петьку за талию и, смеясь, прикоснулся лбом к его лбу. — Уступаете? Не правда ли?

— Нет! — ответил Петька, гневно сверкая глазами.

Феликс шутливо приподнял плечи и закруглил локти, словно желая изобразить лягушку, готовую прыгнуть, и сказал:

— Вы вполне правы, молодой человек! То же самое сказал бы и я, если бы танец был обещан мне! — И он, отвесив своей даме изящный поклон, отошел в сторону. Но немного погодя, когда Петька стоял в углу, поправляя свой бантик, Феликс опять подошел к нему, обнял его за шею и с самым заискивающим взглядом сказал: — Ну, будьте умницей! И моя мать, и ваша матушка, и ваша бабушка — все скажут, что так могли поступить только вы! Я уезжаю завтра и умру сегодня от скуки, если не буду сидеть за столом рядом с молодой барышней! Мой милый, единственный друг, уступите! — Тут уж единственный друг не устоял и сам подвел Феликса к красавице.

Занялся день, когда гости пробста стали разъезжаться. Вся семья господина Габриэля ехала в одной повозке, и все дремали, кроме Петьки и хозяйки. Она говорила о молодом сынке богатого коммерсанта, друге Петьки. Она ведь слышала, как

тот сказал, чокаясь с Петькой: «Выпьем, дружище, за здоровье вашей матушки и бабки!»

— В этих словах было столько галантной небрежности! — восхищалась госпожа Габриэль. — Сразу видно, что он из богатого, знатного семейства! Куда нам всем до него! Сторонись, да и все тут!

Петька ничего не сказал на это, но слова ее легли ему на сердце тяжелым камнем. Вечером, улегшись в постель, он не мог заснуть; в ушах у него все раздавалось: «Сторонись, да и все тут!» Он так и сделал, посторонился перед богачом! И все потому, что сам родился в бедности, обязан всем милости одного из таких богачей. А разве они лучше бедных? И почему бы им быть лучше? И из глубины его души поднялось нехорошее чувство, которое бы очень огорчило бабушку. Она и вспомнилась ему. «Бедная бабушка! Ты тоже век свой прожила в бедности! Бог допустил это!» При этой мысли в нем закипело негодование, но вслед за тем проснулось и сознание греховности таких чувств и мыслей. Он с сокрушением вздохнул об утраченной детской душевной невинности, а на самом-то деле был в эту минуту так же невинен, как и прежде, если не больше. Счастливый Петька!

Неделю спустя пришло письмо от бабушки. Она писала, как умела, где большими, где маленькими буквами, но все письмо ее дышало

беспредельной любовью к внуку.

«Мой милый, дорогой мальчик! Я день и ночь думаю о тебе, скучаю по тебе; мать твоя тоже. Ее дела идут хорошо; она стирает. А вчера был у нас Феликс с поклоном от тебя. Вы были вместе на балу у пробста, и ты вел себя благородно! Ты и всегда останешься таким, будешь радовать свою старую бабушку и работающую мать. Она сообщит тебе о девице Франсен».

Затем следовала приписка от матери.

«Девица Франсен выходит замуж. Старушка-то! Переплетчик Гоф стал по прошению придворным переплетчиком и обзавелся большой вывеской. Теперь она будет госпожой Гоф. Это старая любовь, а она не ржавеет, милый мой мальчик!

Мать твоя».

Вторая приписка гласила:

«Бабушка связала тебе полдюжины шерстяных носков. Перешлем их тебе при случае. Я

вложила в них хлеба с салом — твоего любимого кушанья. Я знаю, что у господина Габриэля тебя не угостят салом: твоя хозяйка, верно, боится «трихнинов». Мне даже и не выговорить этого слова! Но ты о них не думай, а ешь себе на здоровье.

Мать».

Петька прочел письмо и повеселел. Феликс все-таки был славный малый! Петька поступил нехорошо, не простившись с ним после бала. «Нет, Феликс лучше меня!» — решил Петька.

Глава VIII

Дни тихо шли за днями, месяцы за месяцами. Петька проживал у господина Габриэль уже второй год. Учитель с строгой последовательностью, называемой госпожой Габриэль упрямством, не позволял больше Петьке появляться на сцене. Сам Петька получил от своего бывшего учителя пеня, который ежемесячно платил за его учение и содержание, строгий наказ не думать о сцене, пока находится в школе. Петька не желал послушаться, но мысли его сами собою обращались к театру в столице. Там ведь он надеялся когда-нибудь выступить уже знаменитым певцом. Но — увы! —

голос его все еще не возвращался, и это сильно огорчало Петьку. Кто мог утешить его? Ни господин Габриэль и ни его супруга; один Господь Бог. Он ниспосылает людям утешение по-разному; Петьке оно было ниспослано во сне; недаром же он был счастливец!

Однажды ночью ему приснилось, что настала Троица и что он гуляет в чудесном зеленом лесу; сквозь листву деревьев светит солнышко; на земле ковер из анемонов и скороспелок. Вот закуковала кукушка. «Сколько лет мне жить?» — спросил Петька. Это всегда спрашивают, когда в первый раз услышат кукушку весной. «Ку-ку!» — прокуковала птичка и смолкла. «Что же это, мне осталось жить один год? — сказал Петька. — Маловато! Не угодно ли начать снова?» И кукушка принялась куковать без счета! Кончилось тем, что закуковал с нею и Петька, да так хорошо, словно и впрямь был кукушкой, только его «ку-ку» звучали еще громче, еще чище. Запели птички; Петька стал подражать и птичкам, и перещеголял и их. Его звонкий детский голосок вернулся к нему, и он ликовал. Проснувшись, Петька себя не помнил от радости: теперь он был уверен, что голос его не пропал, что в одно прекрасное весеннее утро он вернется к нему такой же свежий, чистый, как и прежде! И Петька, убаюканный этой радостной надеждой, заснул опять. Голос, однако, не вернулся к нему ни на

следующий день, ни через неделю, ни через месяц. В ожидании Петька жил весточками о театре родного города. Они были для него манной небесной, духовным хлебом; «крошки ведь тот же хлеб», и Петька рад был и крошкам — самым пустяшным известиям.

У господина Габриэля был сосед — мелочной торговец. Жена его, почтенная, живая и веселая женщина, но полнейшая невежда в искусстве, побывала первый раз в столице и вернулась оттуда в полном восторге от всего виденного, даже от людей. Они, по ее рассказам, смеялись каждому ее слову; в этом, впрочем, не было ничего невероятного.

— А были ли вы в театре? — спросил ее Петька.

— Как же! — ответила она. — И упарилась же я там! Поглядели бы вы на меня! Пот лил градом!

— А что же вы видели? Какую пьесу?

— Сейчас расскажу все! Я была там два раза. В первый раз представление было с разговорами. Сначала пришла принцесса и давай тараторить: «Та-та-та! Та-та-та!» Потом явился мужчина, и оба затараторили наперебой: «Та-та-та! Та-та-та!» После того барыня шлепнулась! Она в этот вечер целых пять раз шлепалась. В другой раз я попала на пение. Ну, пропели: «Тра-ла-ла, тра-ла-ла!» — и барыня тоже шлепнулась. Рядом со мной сидела

приличная женщина, провинциалка. Она сроду не бывала в театре и думала, что тут и конец всему, ну а я-то уж знала, в чем дело, и объяснила ей, что в последний раз, как я была в театре, барыня шлепалась целых пять раз. В этот вечер она, впрочем, шлепнулась всего три раза. Да, так вот что я видела!

Что же это за пьесы видела лавочница? Не попала ли она в трагедию, что барыня все шлепалась? И вдруг Петьку осенило: на театральном занавесе была изображена большая женская фигура — муза с двумя масками, трагической и комической. Занавес, разумеется, падал в антрактах, вот вам и барыня, которая все шлепалась! И это-то шлепанье больше всего и занимало почтенную лавочницу, все же, что говорили и пели артисты, было для нее только «та-та-та, тра-ла-ла!». Тем не менее она осталась вполне довольна, да и Петька с госпожой Габриэль были довольны не меньше ее. Госпожа Габриэль слушала ее повествование с выражением изумления и умственного превосходства на лице; еще бы! она ведь, по словам аптекаря, вынесла, в роли кормилицы, на своих плечах всю шекспировскую трагедию! Выражение «барыня шлепнулась», объясненное Петькой, скоро сделалось в доме Габриэля ходячей остротой: стоило упасть ребенку, полоскательной чашке или какой-нибудь мебели,